

Она была явно не в его вкусе. Да и о каком вкусе, впрочем, можно вести речь, если перед тобой девушка облегченного поведения. Конечно, не вокзальная путана (с такими он не связывался), но и не подающая надежд аспирантка. Он подцепил ее в одном из ночных клубов. Закинув ногу на ногу, она тянула через соломинку коктейль и поглядывала на клубящуюся молодёжь. Встретившись взглядом с незнакомцем, она призывно улыбнулась, обнажив ряд довольно крупных зубов, и указала на место рядом с собой. Разговор касался всего и ничего конкретно, обычная трепотня по заранее известному сценарию, когда каждая из сторон знает, что хочет получить в итоге.

Они вышли из клуба, когда было уже глубоко за полночь. Покинув залитую радостным рекламным светом улицу, они свернули в переулок. Темнота стала почти непроницаемой, красноречиво свидетельствуя о том, что короткая летняя ночь подходит к концу.

— О, да ты на тачке! — воскликнула девица. — Это все упрощает.

Он открыл дверцу. Девица забралась на переднее сиденье и, воткнув в рот сигарету, задымила. Машина тронулась.

— Кстати, можешь называть меня Стеллой, — заявила она.

Мужчина скривился. Вне всяких сомнений, шлюха. Почему они никогда не представляются Танями, Ленами, Олями, ну на худой конец Фросями? Обязательно Нинель, Сюзанна, Регина, Лола и прочее. Стелла означает «звезда», а это определение вряд ли подходило к невысокой коренастой девице, бесстыдно раскидавшей ноги в полуметре от него. Трикотажная короткая юбка, топ, переливающийся стразами, что-то длинное блестящее в ушах — все говорило о том, что у девицы не все в порядке со вкусом, как, впрочем, и с деньгами. «Сверкает, как сопля на солнце», — неприязненно подумал он. Но воротить нос не пристало. Мужчина чувствовал нарастающее напряжение. Его можно было снять только одним способом...

— Я — студентка, — сообщила девица.

«Врет!» — хмыкнул он про себя.

Машина миновала центр города и понеслась по направлению к одному из спальных районов. Дорога была почти пуста. Многоэтажки темнели равнодушными глазницами окон. Люди старались урвать еще несколько часов сна перед тем, как первые солнечные лучи и веселый гомон птиц возвестят о том, что настал новый, крайне утомительный в жару, будний день.

Машина остановилась на пустыре. Девица равнодушно взглянула в окно.

— Стоило ли так далеко ехать? Мы могли бы заняться этим в любом дворе. Ну, котик, что ты предпочитаешь?

Предутренний свет делал ее еще менее привлекательной. Лицо с неаккуратно нанесенным тоном казалось серым и несвежим. Он еще раз с досадой подумал о том, что спешка ни к чему хорошему не приводит. Ну да шут с ней...

— Давай пройдемся, — предложил он.

Девица вовсе не собиралась выходить.

— Эй, — запротестовала она. — Там свежо. Да и одежда может испачкаться. Ты что, возместишь мне все расходы?

Мужчина ничего не ответил. Обойдя машину, он распахнул дверцу.

— Вылезай!

— Да пошел ты!

У него застучало в висках. Схватив девушку за руку, он легко освободил автомобиль от докучливой особы. Протащив ношу несколько метров в направлении зарослей кустарника, мужчина наконец оставил ее в покое. Силой он обладал невероятной.

— Ах ты, подонок! — взвизгнула девушка. На ее плече уже алел след, оставленный его железной пятерней. — Не думай, что тебе это сойдет с рук. Я знаю, к кому мне обратиться. Твоего духу больше не будет...

Но, увидев его перекошенное злобой лицо, она осеклась. Древний инстинкт самосохранения, заложенный в каждом человеке, подсказывал ей, что с этим парнем что-то неладно. Она поспешила пойти на мировую.

— Эй, не стоит так волноваться. Мы ведь можем договориться, — ее голос предательски задрожал.

— На колени, — скомандовал мужчина.

— Но я так не хочу...

Договорить она не успела. Крепкая зуботычина свалила ее с ног. Рот наполнился солоноватой влагой. Мужчина тем временем достал из кармана кипенно-белый носовой платок и тщательно вытер им пальцы.

— Тебе повезло, — заговорил он. — Я сниму с твоей души грех и очищу твое тело.

«Псих!» — мысли, как пугливые зайцы, метались в голове. Стелле и раньше приходилось бывать в опасных переделках и общаться с далеко не самыми приятными представителями мужского пола. Бандиты и

милиционеры норовили попользоваться жрицей любви «за так», и с этим приходилось мириться. Жгучие брюнеты, выходцы из дружественных республик бывшего Союза, утомляли темпераментом и желанием расплатиться за услуги дынями, яблоками или розами. Робкие, замученные семейным счастьем мужички, потупив очи долу, просили *такое*, от чего даже у выдавшей виды Стеллы глаза лезли на лоб. Но все они были посвоему понятны и предсказуемы. Но как поступать в ситуации, когда твой клиент вовсе не стремится завладеть твоим телом, а вместо того раскачивается из стороны в сторону как маятник и невнятно бормочет не то молитву, не то заклинание, девушка не представляла.

— ...умножая, умножу скорбь твою.

«О чем это он?»

— ...доколе не возвратишься ты в землю, из которой взята, ибо прах ты и в прах возвратишься. А теперь повторяй за мной...

Это было трудно. Распухший язык не желал подчиняться хозяйке. Из горла вырывался лишь сдавленный стон. Мелькнула мысль: «Я поплатилась за неосторожность. Теперь я уйду в ад».

Мужчина прикрыл глаза. Память вернула его в прошлое, в ту душную июньскую ночь, когда демонические силы, спрятанные где-то в глубине его души, впервые заявили о себе. Все было почти так же, как сейчас. Предутренние часы, влажная пахучая трава и она... такая близкая и желанная. Прошли годы, но он не забыл ее насмешливый взгляд и слова: «Ты, должно быть, спятил. Я никогда не буду твоей. Ума не приложу, как ты мог и мечтать о таком». И она засмеялась. Она хохотала во все горло, не замечая, как темнеет его лицо, как сжимаются в кулаки руки. Жар, поднимаясь от нагретой за день земли, коснулся его щек, лба. Стало трудно дышать. Он не ведал, что делает, знал

только, что должен во что бы то ни стало прекратить этот ужасный смех. И когда он услышал стоны, вихрь восторга закружил его. Он чувствовал себя отомщенным. Она была покорена. Больше ей не удастся выставить его на всеобщее посмешище, бросить в его адрес ядовитую шутку, презрительно сморщить курносый носик. Никогда?! И вдруг ему на глаза попались ее чулки, маленьким комочком белевшие на смятой траве...

Когда кровавая пелена спала с глаз, мужчина увидел перед собой отвратительное зрелище. Это была не героиня его детских грез, не первая красавица школы, а третьеразрядная шлюшка из ночного клуба. Красный как кровь лак на пальцах ее ног окончательно вывел его из ступора.

«Надо же, она была начисто лишена вкуса. Какая распушенность!»

Мужчина брезгливо взял в руки ее джинсовую сумочку, больше похожую на косметичку, и внимательно просмотрел содержимое; кинул далеко в сторону картонную иконку, отшвырнул ключи и кошелек из кожаного кошелька. Несколько смятых денежных бумажек он равнодушно сунул себе в карман.

Уже рассвело. Необходимо было убираться отсюда как можно скорее. Он еще раз взглянул на деяние рук своих и невольно залюбовался, как художник, пораженный величием кисти Мастера.

«Как бы то ни было, теперь ты почти прекрасна», — думал он. И на душе было светло и чисто, как после причастия.

Шея девушки была стянута чулками. Как и тогда, в далекой юности...

Ведущая вечерних теленовостей была бодра и энергична, будто только что выскочила из фитнес-клуба. Она вещала о леденящих душу событиях с таким же

азартом, как пару минут назад об открытии первого супермаркета в отдаленном сельском районе:

— Сегодня на пустыре вблизи жилого комплекса «Западный» был обнаружен труп молодой женщины со следами насильственной смерти. Ее личность установить пока не удалось. Однако вывернутая наизнанку женская сумочка свидетельствует о том, что убийца, возможно, не побрезговал воспользоваться ее содержимым. Разумеется, речь идет о деньгах, прочих ценностях, документах. Да, еще один интересный момент! На шею трупа были повязаны женские чулки.

Строгий мужчина в форме, сидящий напротив директора, явно не разделял ее веселости. Он хмурил брови и не переставал удивляться женщинам.

«Ох уж этот слабый пол! Они готовы хлопнуться в обморок при виде мыши, но если речь заходит о делах куда более серьезных, к слову сказать, мерзопакостных, дамочки проявляют хладнокровие бультерьера; смакуют детали кровавых оргий, будто речь идет о новой мыльной опере; предлагают совершенно несообразные с точки зрения логики версии и все щебечут, щебечут, щебечут. Черт их поberi!»

Ведущая, обаятельно улыбаясь, уже представляла гостя телевизионной публике:

— У нас в студии находится начальник отдела по расследованию убийств прокуратуры области. Скажите, Петр Никанорович, может ли телевидение помочь в установлении личности погибшей. Возможно, если бы мы показали фотографию...

— Об этом не может быть и речи, — отрезал представитель прокуратуры. — Лицо жертвы обезображено настолько, что не остается даже слабой надежды на то, что кто-нибудь сможет ее опознать. Правда, мы можем сообщить вам, во что была одета убитая, а также некоторые приметы, обнаруженные на теле.

Ведущая поскуचना. Что толку перечислять приметы? Вот красочные снимки с места происшествия произвели бы фурор. Рейтинг передачи подскочил бы до небес!

— Несколько слов о чулках на шее жертвы. Насколько я помню, мы уже сообщали о подобных случаях. Значит ли это, что на улицах города орудует маньяк? — она еще надеялась на сенсацию.

— Я не разделяю вашего легкомыслия, — остудил ее пыл собеседник в погонах. — Все это ничуть не занимательно. С прискорбием вынужден констатировать, что в городе появился опасный преступник. У правоохранительных органов нет сомнений в том, что им совершено уже несколько убийств. С уверенностью можно говорить о трех жертвах, включая сегодняшний случай. Все три происшествия объединяет объект преступных посягательств — молодые женщины; способ лишения жизни — нанесение большого количества телесных повреждений твердыми тупыми предметами и последующее удушение. Орудовал, похоже, собственными ногами и руками, а при удушении использовал женские чулки.

— Как вы думаете, убийца психически болен? Почему чулки? И почему именно белого цвета?

— Болен он или здоров, будет решать психиатрическая экспертиза. Кстати, некоторые комментарии от специалистов в этой области мы уже получили. Но полагаю, нет необходимости доводить их до широкой общественности. Во всяком случае, пока.

— Тогда напомним нашим зрителям хронологию злодеяний Чулочника (так его уже окрестили некоторые газеты)... Первая жертва — Мария Воронцова. Убита в июне прошлого года. Обнаружена у себя на квартире. Многочисленные телесные повреждения, а также белые чулки вокруг шеи. Вторая жертва — Со-

фья Кац. Погибла в январе этого года. Обезображенный труп найден в гостиничном номере. Лужи крови и белоснежные чулки. Июнь текущего года, третья жертва Чулочника — опять молодая женщина. Личность ее пока не установлена. Но почерк злодея все тот же... Итак, милые беззащитные женщины и храбрые рыцари-мужчины, будьте бдительны. Под покровом ночи на свой кровавый промысел выходит Чулочник.

Начальник отдела убийств поморщился. Он не любил цветистых выражений, а также тех журналистов, которые готовы раздуть воздушный шар из мыльного пузыря. Но приходилось с горечью признавать, что на этот раз ситуация была весьма серьезной.

— Подскажите, как женщины нашего города могут обезопасить себя от преступных посягательств? — спрашивала его дотошная журналистка, и это изрядно действовало ему на нервы.

— Как? — Его взгляд на секунду задержался на ее вызывающем декольте. — Есть несколько простых и доступных советов. Во-первых, одевайтесь скромно. Никаких мини-юбок, обтягивающих брюк, вырезов до пупа и прочее. Они свидетельствуют о легкомысленном подходе к жизни и дают зеленый свет любому извращенцу. Исключите обувь на шпильках — они мешают убежать от преследователя; длинные распущенные волосы — за них вас легко ухватить. Тесная одежда сковывает движения. Находясь в общественном месте, не будьте излишне раскрепощенной — вас могут счесть развратной и, соответственно, готовой на любые сексуальные подвиги. Никаких вызывающих жестов и танцев. Лучше находиться в обществе друга, разумеется проверенного, еще лучше — брата, а совсем замечательно — мужа. А вообще, если вас не понесет нелегкая в злчные места и вы проведете тихий вече-

рок в компании милых родственников, вашей жизни ничто не будет угрожать.

— Если, конечно, не обрушится кровля или соседи не подожгут дом, — едко прокомментировала журналистка.

— Что-что? — переспросил представитель прокуратуры.

— Да ничего, — пожала плечами диктор. — Боюсь, наши зрительницы вряд ли воспользуются вашими советами...

СПУСТЯ МЕСЯЦ...

Елизавета Дубровская старательно выводила на листе бумаги какие-то невероятные каракули. Напротив нее сидел молодой человек с внешностью Блока и вот уже битый час рассказывал ей необычайно нудную историю своей личной жизни. Он хотел, по всей видимости, получить от начинающего адвоката дельную юридическую консультацию, но, растекаясь мыслью по древу, никак не мог перейти к главному.

— Все начиналось так красиво. Помните, как у Расина? «Всевластная любовь повелевает нами, и разжигает в нас, и гасит страсти пламя». Я был молод и наивен. Глупец! Я искал счастье. А что она? Она была старше меня на год, хитра, изворотлива и невежественна. Она накинула на меня брачные сети, а я даже и не сопротивлялся. Был слеп. Но не зря, видно, Цветаева предупреждала: «Не люби, богатый — бедную, не люби, ученый — глупую...» Я все-таки попался.

Терпение отнюдь не было главной добродетелью молодого адвоката, и Лиза давно бы уже прервала исповедь клиента, но ей безумно хотелось спать. На-

стенные часы за ее спиной мерно тикали, а конца утомительному дежурству не предвиделось.

Дубровской, как и любому «зеленому» специалисту, надлежало тащить на себе бремя обязанностей, тех, которые маститые адвокаты так любят перекладывать на плечи молодежи. Парясь с утра в помещении юридической консультации, она выслушивала многочисленные жалобы посетителей, рассеянно давала какие-то советы, а сама только и мечтала, как бы поскорее освободиться от всего этого и умчаться вместе с друзьями на озеро. Благо погода была замечательная.

— «Глупый сын — сокрушение для отца своего, и сварливая жена — сточная труба»...

Елизавета очнулась. Ей показалось, что минула вечность. Пора было брать инициативу в свои руки. Из длинного монолога поэта она выхватила только последнюю фразу.

— Итак, перейдем к практическим вопросам. Вас затопили соседи, и вы хотите взыскать с них компенсацию имущественного ущерба. Так?

— Боже! С чего вы взяли? — испугался поэт.

— Вы же только что говорили про какую-то трубу?

— Ах, это! Я лишь цитировал Библию.

— А что вы от меня хотите?

Выяснив, что высокохудожественной натуре поэта ничто земное не чуждо и он хочет поделить имущество так, чтобы его «невежественная» жена осталась только при своих интересах, а он — при всем прочем совместно нажитом барахле, Лиза пригорюнилась. Нет все-таки романтики на белом свете! Прочитав несколько заученных фраз из Семейного кодекса, Дубровская вздохнула свободно. Еще полчаса, и она умчится на своем «Пежо» туда, где можно будет беззаботно хохотать, плескаться в воде и думать лишь о том,

насколько прошлогодний купальник соответствует нынешнему сезону.

— А у меня, Елизавета, к тебе есть маленькая просьба, — обратился к ней заведующий консультацией Пружинин.

Дубровская вздохнула. Ласковый тон начальника ничего хорошего, тем более в день ее дежурства, не сулил. Она оказалась права.

— Читаешь ли ты, моя милая, газеты? — откуда-то издалека начал Пружинин.

— Конечно. А что? — Лиза еще надеялась на чудо.

— А то, уважаемая Елизавета Германовна, что от лица нашей юридической консультации тебе будет доверена серьезная и ответственная миссия — быть защитником по очень громкому делу.

Коллега Ромашкин, сидящий за соседним столом, хихикнул. Деликатность заведующего и его высокопарный слог можно было объяснить только одним — требовался адвокат по так называемому «бесплатному» делу. Иными словами, прорва работы и смехотворное вознаграждение от государства.

— Дело интересное, незаурядное, в самый раз для начинающего адвоката, — заливался соловьем Пружинин. — Сейчас примешь участие на следствии, позже — пойдешь в суд. Телевидение, пресса — все у твоих ног. Ты будешь делать себе Имя!

— А какое дело? — уныло поинтересовалась Дубровская.

Она работала защитником уже больше года, но давно успела понять, что адвокатская работа — это прежде всего жуткая рутина. Овации в суде, бешеные гонорары и благодарные клиенты — это ее девичьи грезы, не более того.

— Дело Чулочника. Слышала о таком?

— Дело маньяка-душителя! — задохнулась от гне-

ва Елизавета. — И вы это считаете полезным и интересным для молодого адвоката? Да посадите его на электрический стул — я сама включу рубильник!

— Дубровская! — постучал ручкой об стол заведующий. — Ты говори, да не заговаривайся! У нас в государстве...

— Знаю, знаю! Квалифицированная юридическая помощь гарантирована каждому.

— Вот именно. Больно разборчивые стали! Всем подавай олигархов на белых «Мерседесах». Запомни, дорогуша, нефтяные короли — товар штучный. Кто, по-твоему, должен защищать простого небогатого маньяка? Так что прояви гражданскую сознательность, Дубровская. Не забудь, приступаешь с понедельника.

Настроение было безвозвратно испорчено, и приятные мысли о предстоящем отдыхе уже не грели сердце.

— Слушай, Лизавета, — заговорщицки подмигнул ей Ромашкин, когда начальник покинул кабинет. — Хочешь, научу уму-разуму?

— Что ты имеешь в виду?

— А то! Можно освободиться от этого дела без шума и пыли, на вполне законных основаниях.

— А что надо делать? — недоверчиво произнесла Лиза.

— В том-то и дело, что ничего не нужно. Гляди, ты не можешь отказаться от защиты. Так?

— Так.

— Но ведь твой клиент может! Он заявит, что его не устраивает такой адвокат, и попросит тебя заменить.

— А вдруг он не захочет этого сделать?

— Вот здесь собачка и зарыта! Напряги мозги, Дубровская, придумай что-нибудь. Твоя главная задача — вызвать к себе стойкое отвращение. Когда жулик от одного твоего вида синеть начнет и истерики

следователю закатывать, считай, ты победила! Найдут другого козла отпущения. Ну как, может, возьмешь меня на бережок?

— Обойдешься!

Елизавете, конечно, претило разыгрывать дурацкие сцены, но тут, похоже, иного варианта не было. Ее мало прельщала перспектива появиться на страницах газет и телевизионном экране в качестве защитника маньяка. «Чулочница» — вот как ее могут назвать! Родственники убитых девушек закидают молодого адвоката тухлыми яйцами. А сам маньяк, вперив в нее безумные глаза, будет неоднократно в своих мечтах душиить ее женскими чулками.

Бр-р-р! Лиза содрогнулась, представив, как нейлоновое кольцо смыкается на шее, вытесняя дыхание. В глазах заплясали черные точки. Нет, надо бежать от этого дела, бежать!

...Выходные пролетели, как один день. Наступил черный понедельник, день, когда Елизавете Дубровской надлежало явиться в прокуратуру области и приступить к своим непосредственным обязанностям по защите заблудшей овцы в образе кровожадного монстра.

Было еще только восемь часов утра, но в спальне Лизы на привычных местах оставалась, пожалуй, лишь мебель. Коробки с обувью, груды одежды громоздились на кровати, занимали свободное пространство пола. Спаниель по кличке Бакс весело носился за своим хвостом. Все происходящее, должно быть, напоминало ему суматоху перед отъездом на дачу. Сама Лиза, хмурая и озабоченная, в одних трусиках лавировала в самом эпицентре хаоса, решая непростую задачу.

Итак, ей следовало произвести отталкивающее

впечатление на пресловутого Чулочника. Как это сделать? Да очень просто. Необходимо создать образ девицы недалекой, разумом не отягощенной. Кто, скажите на милость, доверит такой кретинке вести защиту, где ставкой является собственная жизнь?

Лиза, оценив царящий в спальне беспорядок, горестно вздохнула. Такое обилие одежды могло смутить не одну модницу. Это были дорогие вещи, приобретенные в лучших магазинах Европы. Когда-то она, дочь высокопоставленного родителя, гордо вышагивала по улицам Лондона, Парижа, Милана. Совершала набеги на лучшие магазины Европы. Папа только смеялся, когда нагруженная пакетами, счастливая Лиза появлялась на пороге гостиничного номера. Герман Андреевич баловал дочь, потакал ее маленьким женским слабостям. Но это все осталось в прошлом...

Смерть отца совпала с началом ее адвокатской карьеры. Семья пережила трудные времена. Мать Вероника Алексеевна — профессиональная жена богатого мужа, сама Лиза, ее четырнадцатилетний брат оказались совершенно не готовы принять жизнь такой, какой она была на самом деле. Естественно, у отца были сбережения, но они таяли, как мартовский снег на солнце; роскошная квартира в центре крупного уральского города требовала ежемесячной оплаты; машины нуждались в бензине; дача — в текущем ремонте; а няня Софья Илларионовна — хоть в небольшом, но вознаграждении. Жизнь показывала зубы...

Лиза оглядела себя в зеркале. Да, если бы Герман Андреевич был жив, то, увидев дочь в подобном виде, он наверняка бы решил, что она повредила умом. Короткая кожаная юбочка, открывающая почти безупречные женские ножки, без всяких сомнений, бесподобна, но совершенно неуместна в коридорах почтенной прокуратуры. Грудь приятно обтянута полу-

прозрачным топом. Сверху — пиджачок, купленный в знаменитой парижской «Весне» за две тысячи зеленых. В диком ансамбле с юбкой, топом и босоножками обалденно розового цвета он потерял, пожалуй, во семьдесят процентов своей первоначальной цены.

Пора заняться лицом. Выразительные карие глаза с золотистыми крапинками надо бы оттенить погуще. Эффект будет поразительным, если учесть, что у Лизы от природы ослепительно белая кожа. Пусть это сейчас не столь современно, зато изысканно и неповторимо. Отлично! Сейчас она напоминает фарфоровую куклу. Никто не заподозрит, что в этой хорошенькой головке имеются еще и извилины. Слишком уж невинно смотрят на мир огромные глазщицы, ресницы издают интимный шорох, а губки, искусно подчеркнутые блеском, годятся только для поцелуев. В довершение всех чудес от столь колоритной особы за версту несет «Dolce Vita». Остается надеяться, что маньяк если не ослепнет от подобного великолепия, то задохнется, это точно.

Довольная собой Елизавета взъерошила перышки и в великолепном настроении поспешила к выходу. Первые аплодисменты ей удалось сорвать тут же. Домашние завтракали на кухне. Няня застыла как изваяние, а брат Денис пронес бутерброд с маслом мимо рта.

— Господи, Лиза, ты ли это? — Софья Илларионовна всплеснула руками. — Ты это куда? Да еще в таком виде...

Лиза, прекрасно зная решительный характер нянюшки, ускорила шаг. Та не посмотрит, что ее любимица уже перешагнула порог совершеннолетия. Не устраивая китайских церемоний, она просто закроет девушку в ванной и не выпустит до тех пор, пока Лиза не отмоем начисто лицо и не приведет в порядок одежду.

Показав язык собственному братцу, Елизавета стрелой пролетела мимо рассерженной няни. Хлопнула входная дверь. В воздухе повис стойкий запах сладкого парфюма...

Старший следователь областной прокуратуры Восстрецов пропускал с утра уже не первую чашку крепкого чая. Неудивительно, работая по громкому делу местного Джека Потрошителя, самому превратиться в привидение. Регулярно не высыпаясь, литрами поглощая безобразный черный чай и выкуривая бешеное количество сигарет, бедный Игорь Валентинович буквально падал с ног от усталости. Однако тщеславие, присущее любому мало-мальски толковому сыщику, возрождало в нем надежду на всенародный почет и признание. Дело маньяка Чулочника обещало войти в историю российской криминалистики и покрыть громкой славой каждого более или менее причастного к искоренению злодея. А следователь Восстрецов со всей присущей ему скромностью надеялся оказаться в числе центральных фигур сенсационного процесса.

«Вероятно, меня пригласят для интервью на телевидение или даже на съемки документального детектива. Если все умело преподнести и вовремя засветиться на экране, можно получить не только денежную премию и повышение в звании, — мечтал он. — Можно написать недурной детектив или же статью в юридический журнал, сдвинуть с места диссертацию, начатую пять лет назад. Кстати, а почему не подумать и о другом месте работы? Не вечно же мне горбатиться за идею, нужно и о собственном кошельке подумать».

Представив, как бесподобно он будет смотреться за рулем сверкающей иномарки в темных очках и белом костюме, да еще и с длинноногой спутницей в

короткой юбке, Вострецов вздохнул. Мечты мечтами, а журналисты пока что не штурмуют здание прокуратуры в поисках интервью. Значит, надо работать...

Шум за окном заставил его выглянуть наружу. Автомобиль под управлением какого-то нервного водителя тщетно пытался занять место между «Волгой» и «Москвичом». Машина отчаянно газовала, беспорядочно дергаясь то вперед, то назад, и норовила устроит небольшой погром на служебной автостоянке.

Вострецова прошиб холодный пот. Дело в том, что старенький «Москвич» вызывающе зеленого цвета принадлежал ему, и, поскольку новенькая иномарка приятно маячила пока лишь в розовых мечтах, необходимо было срочно принимать меры. Следовательно чуть не вывалился из окна, пытаясь привлечь внимание странного водителя истошными воплями. Неизвестно, долетели пламенные речи до адресата или нет, только автомобиль вдруг замер как вкопанный. Из салона выскочила фигуристая дамочка с броской внешностью и, убедившись, что ей удалось благополучно перегородить всем выезд со стоянки, быстро-быстро засемила в здание прокуратуры области.

Бессонная ночь и только что пережитый стресс докончили Вострецова. Хорошенько чертыхнувшись, он хлопнул дверью кабинета и помчался вниз, для того чтобы сообщить посетительнице уважаемого заведения все то, что он думает о женщинах за рулем вообще и о водительских способностях этой гражданки в частности.

Полусонный охранник на вахте при виде Елизаветы мигом подобрался. Дамочка столь экзотической наружности, конечно, не была похожа на террористку, но и на звание «Мисс Благонадежность» тоже не тянула.

— Я к следователю, — заявила Елизавета. — К Вострецову.

— На подписке? — осведомился бдительный страж.

— Что?

— На допрос явились?

— Может быть, — пожала плечами Дубровская. Ей было невдомек, с чего вдруг охранник, вместо того чтобы просто пропустить ее внутрь, пялится на ее ноги да еще задает какие-то странные вопросы.

Между тем в холл выскочил высокий рыжий мужчина. Бешено вращая глазами, он оглядел Дубровскую с головы до пят и только было открыл рот, чтобы поприветствовать ее подобающим образом, как его опередил охранник:

— Это к вам, Игорь Валентинович, посетительница пришла. Говорит, на допрос.

— Фамилия? — рявкнул рыжий.

Елизавета, чувствуя себя пионеркой, робко представлялась.

— Дубровская? — нахмурился Вострецов. — Что-то не припоминаю. Вы потерпевшая, свидетель?

— Да обвиняемая она. На подписке, — бодро отрапортовал мент.

До Лизы наконец дошла вся нелепость ситуации. Вытащив из сумочки удостоверение, она сунула его под нос стражу порядка, затем передала следователю.

— Адвокат?! — почти синхронно воскликнули мужчины.

— Да, — с достоинством ответила Лиза. — А что, в этом есть что-нибудь удивительное?

— Пройдемте, — взял ее за локоток Вострецов.

Он как-то многозначительно взглянул на охранника. Тот понимающе хмыкнул. Лизе стало не по себе. Примерно так чувствует себя нудист, по привычке снявший всю одежду на городском пляже. Мужчи-

ны бесцеремонно оглядывали ее, только что не цокали языками.

«Черт!» — с досадой подумала Дубровская. Да, она добилась того, чего хотела. Но в ее планы вовсе не входило шокировать всю областную прокуратуру или пусть даже некоторых, не самых лучших ее представителей.

Вострецов тем временем провел ее в свой кабинет. Усевшись на стул у заваленного бумагами стола, Елизавета спрятала ноги подальше. Юбка, и без того короткая, задралась еще выше. Пришлось поставить на колени сумку. Застегнув пиджак на все пуговицы, алая от смущения Дубровская наконец решилась взглянуть на следователя.

— А где же Чулочник?

— Простите? — не понял он.

— Где мой подзащитный?

— Ах, Климов! Его здесь нет. Он в следственном изоляторе.

Шах и мат! Маскарад не имел никакого смысла!

— Побеседуем? — Вострецов придвинул стул поближе к Елизавете. От его былой нервозности не осталось и следа. — Вы, как я вижу, девушка молодая, м-м-м... симпатичная. У вас наверняка прорва дел — дискотеки, клубы, друзья-приятели и все такое прочее. У меня же — сроки следствия, сроки содержания под стражей, требовательное начальство, возмущенная общественность. Короче, ничего интересного. Давайте договоримся. Вы — не мешаете мне. Я — не мешаю вам. Мы взаимовыгодно сотрудничаем, а потом расстаемся лучшими друзьями. Лады?

Лиза молчала. Иногда она соображала очень медленно. Вот как сейчас. Что имел в виду следователь?

— Вы сказали, что я не должна вам мешать. Вы боитесь, что я развалю дело?

Глаза девушки выражали такую кротость, что бедный Вострецов, не сдерживаясь, расхохотался:

— Вы?! Развалить дело?! Боже правый!

— А что это вас так развеселило? — обиделась Лиза. — Вы считаете, что я на это не способна?

Вострецов с трудом подавил истерическое ржание и, промокнув глаза салфеткой, почти серьезно произнес:

— Да нет же, уважаемая. Я ни на минуту не сомневаюсь в ваших профессиональных качествах. Я только хотел заметить, что такой молодой и интересной девушке совсем не обязательно забивать себе голову премудростями уголовного процесса...

Елизавета разозлилась. Хотя разве не она стремилась во что бы то ни стало сыграть роль легкомысленной особы? Видать, это ей удалось с блеском. Стоит ли обижаться на следователя? Но он тоже хорош. Рыжий, как таракан-прусак, в линялых джинсах, одни манеры чего стоят. Громко сморкается, беспрестанно чешет левую руку. Проказа у него, что ли? Да еще это обращение «уважаемая». Ясно, что ни о каком уважении здесь не может быть и речи.

— ...так, о чем я говорю? Подписать протоколы следственных действий не требует много времени. Стоит ли дышать тюремной вонью и портить себе цвет лица? Росчерк пера — и вы свободны, как птица в полете! Отправляйтесь куда хотите: на пляж, дискотеку или же в казино.

— Но позвольте! — возмутилась Елизавета. — То, что вы предлагаете, незаконно. Подписать протоколы, но в следственных действиях не участвовать. Меня же могут обвинить в нарушении прав клиента! А если он заявит на суде, что своего адвоката видит впервые в жизни? Вы представляете, что станет с моей репутацией?

— А кто вас, уважаемая, выдаст? Я этого делать не

собираюсь. Нет у меня в этом интереса. Бойтесь Климова? Кто ему поверит? Он же маньяк-убийца. О каком нарушении его прав можно говорить? Вешать таких надо на первом же попавшемся столбе.

— А что, его вина уже доказана? Может, и приговор уже есть? — съязвила Лиза.

— Помилуйте! — поднял руки вверх Вострецов. — Давайте только не будем вспоминать о презумпции невиновности. Вы хотите сидеть часами в следственном изоляторе? Ради бога! Я лишь хотел сказать, что это ничего не даст. За решеткой — убийца. Это я вам говорю без всяких сомнений.

— Странно, что вы в этом так уверены.

— Ничего тут странного нет. Доказательств у нас достаточно. Более того, раскрою наш маленький секрет, пока неизвестный широкой общественности. Мы взяли этого Климова прямо на месте последнего убийства. Тепленьким.

— Сразу после убийства? — открыла рот Лиза. — Над трупом?

— Почти, — засмутился вдруг следователь. — Слышали ли вы когда-нибудь, уважаемая, что преступника тянет на место совершенного им преступления?

Заинтригованная Дубровская кивнула головой.

— Так вот, этот Климов нарисовался там аккурат в то время, когда мы производили осмотр местности и трупа. Принесла его нелегкая. Видимо, хотел взглянуть на бедняжку еще раз. Видели бы вы, во что он превратил девушку. Хотя такая возможность вам представится. Я думаю, одних фотографий с мест происшествий хватит с лихвой, чтобы присяжные вынесли обвинительный вердикт.

— Откуда вы знаете, что это дело будет рассматриваться присяжными? Насколько я знаю, для этого требуется ходатайство от самого Климова.

— О! Да вы, я вижу, кое-что усвоили из институтской программы, — ухмыльнулся Вострецов. — Ну что же. Не будет суда присяжных, так любой профессиональный судья размажет нашего маньяка по стенке. Судите сами. На бумажнике убитой и картонной иконке с места происшествия обнаружены пальчики вашего подзащитного. Вы, уважаемая, слышали о дактилоскопии? Припоминаете, что нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев?

— Знаю.

— Отлично. Кроме того, на этом злосчастном пустье обнаружена джинсовая сумочка, ну, в каких обычно вы, девочки, всякую дребедень храните: помаду, зеркальце.

— Косметичка?

— Что-то вроде. Так вот, волокна этой самой сумочки и волокна, изъятые с одежды нашего подонка, идентичны. А о чем это говорит? О том, что он брал ее в руки... И на все, уважаемая, есть уже данные экспертизы. Я, так сказать, немного опережаю события. Торплюсь. Рассказываю вам это только для того, чтобы вы не теряли даром времени.

— А что говорит Климов?

— Что он должен говорить? Полностью согласен с обвинением. Во всяком случае, признает последний эпизод — убийство возле жилого комплекса «Западный». Но мы-то с вами знаем, что все три убийства связаны между собой одним исполнителем. Слышали о принципе «нитка — иголка», когда признание одного факта автоматически влечет за собой и признание других? Так что, уважаемая, Климов повязан крепко. Не надрывайтесь даром. Если будете вести себя достойно, я подскажу вам верную линию защиты.

— А если я последую вашему совету?

— Собирайте справочки о своем подопечном: гра-

моты из пионерских лагерей, табель успеваемости в начальной школе, выписки из медицинской книжки о перенесенном в детстве коклюше. — Вострецов наслаждался собственным красноречием. — Кстати, не забудьте и о личностях погибших. Не промахнетесь. Благодатный материал для защитника! Все три девицы как на подбор ночные феи. Так что при хорошем раскладе ваш клиент получит двадцать пять годков. Чем не успех?

— А может случиться, что ваш Климов откажется от моих услуг? Я — молодой неопытный адвокат и полагаю, что ему без услуг профессионала не обойтись, — прикинулась овечкой Лиза.

— Не беспокойтесь, — успокоил ее следователь. — Ему тут «вышак» ломится, вернее, пожизненное заключение, так что мне его отказ, что козе гармонь. Он должен быть обеспечен защитником, а вы, уважаемая, ему подходите. Будем работать!

— Сделайте такое одолжение, — вспылила наконец Дубровская. — Вот вам ордер и постарайтесь выучить наконец мое имя и отчество.

— Слушаюсь, — дурачился следователь. — А вы, будьте так любезны, когда пойдем в СИЗО, наденьте юбку подлиннее. Не ровен час, наш маньяк перевозбудится. Вы, должно быть, в его вкусе. Да, еще я настоятельно советую вам сменить персональный автомобиль на общественный транспорт. Не хочется, знаете ли, искать замену такому симпатичному адвокату!

— Какое хамство! — сорвалась с места Елизавета. — Я ухожу.

— До встречи, — приветливо отозвался Вострецов. — Приходите завтра в изолятор. Я вам дам время пообщаться с нашим героем. Клянусь честью своего мундира, в суде, в паре с Чулочником, вы будете выглядеть потрясающе.

Елизавета выскочила за дверь. Ей было слышно, как смеется следователь.

— Наглец! Нахал! Хам! — сквозь зубы шипела Лиза.

Хорошо же для нее началось это миленькое дельце. Молодой паршивец — следователь и подзащитный — маньяк! Можно представить, в каком аду она окажется ближайшие месяцы.

— Девушка! У вас, кажется, сломался каблук, — приподнялся со своего места охранник.

Лиза остановилась. Обувь была в порядке.

— Очень смешно, — процедила она.

— До свидания, — помахал ей фуражкой милиционер, — адвокат!

— Готовься, мы вечером идем в гости! — радостно сообщила мать, едва Елизавета успела ступить на порог дома.

— О боже! Только не это, — простонала девушка.

Она предвкушала спокойный вечер в кругу семьи. После словесной дуэли с энергетическим вампиром Вострецовым Лиза чувствовала себя опустошенной. Как здорово было бы принять душ и поваляться в кровати с книжкой. Но Вероника Алексеевна иногда бывала чертовски упряма. Светская дама по призванию, при жизни мужа, высокопоставленного чиновника в масштабах отдельно взятого федерального округа, она вела довольно-таки активную жизнь: губернаторские приемы, презентации, фуршеты. Но стоило Герману Андреевичу покинуть этот грешный мир, как, словно по мановению руки злого волшебника, двери всех уважаемых домов оказались для нее закрыты.

Вероника Алексеевна чувствовала себя, как рыба, выброшенная на пустынный берег. Кругом — ни души! А ведь были и другие времена. Когда телефон в

их квартире просто раскалялся от звонков. С ней хотели общаться, ее любили, в ней нуждались. Мужчины вокруг были обходительны и галантны. Официанты в ресторанах подобострастно улыбались. Портнихи и маникюрши сносили капризы и дурное настроение светской львицы с покорностью и почти библейским смирением. Но всему на свете приходит конец! И вот сегодня, буквально напросившись на небольшую закрытую вечеринку к старым знакомым, Вероника Алексеевна была на седьмом небе от счастья.

— Погляди, не высовывается лялочка? — Она крутилась перед зеркалом, так и эдак поправляя ладно сидящее на фигуре вечернее платье. Сейчас она снова чувствовала себя молодой и красивой, тогда как в течение последнего года ее неизменными спутниками оставались скорбь и траур.

Она тараторила как заведенная, пытаясь за пустой болтовней скрыть непонятную ей нервозность.

— Доченька, кажется, я поняла, чем мне нужно заняться в ближайшее время. Прости, я была так невнимательна к тебе. Но теперь все пойдет по-другому. Я подыщу тебе подходящую пару, и когда ты выйдешь замуж...

Личная жизнь Елизаветы сейчас находилась где-то на отметке, близкой к нулю. Конечно, обладая яркой внешностью женщины-ребенка и остатками бывшего материального благополучия, дочь Дубровских притягивала к себе не один заинтересованный мужской взгляд. Но после череды разочарований, когда прежний рой поклонников из среды «золотой молодежи» сгинул в никуда, беспечная и своенравная Лиза по-иному взглянула на окружающих ее людей. Открылись малоприятные вещи, а именно, что одной смазливой мордашки и легкого, беззлобного характера вовсе не достаточно для ее бывших знакомых, некогда внимательных и щедрых, а теперь желчных и